

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

В статье предпринята попытка объяснить феномен двойственности и противоречивости в развитии российского варианта гендерных исследований. Процесс институционализации научного направления анализируется с позиций дискурсивного подхода. Выделяется три разновидности дискурсов о поле – традиционный, феминистский и гендерный – и показываются возможности, которые предоставляет российская реальность для их укоренения в научных исследованиях.

Ключевые слова: гендерные исследования, дискурс, пол, власть, институционализация.

Институционализация междисциплинарного научного направления «гендерные исследования», сложившегося в американской и европейской науке в 80-х гг. XX столетия, осуществляется в российском научно-образовательном пространстве с начала 90-х гг. В отечественной литературе по-разному оценивается степень завершенности этого процесса. Одними исследователями констатируется, что процесс институционализации гендерных исследований в России прошел успешно [Хоткина, 2000]. Другие считают, что, несмотря на развитие проблематики социальных и культурных различий полов в отечественных гуманитарных и социальных науках, процесс институционализации гендерных исследований как самостоятельного научного направления далек от своего завершения [Здравомыслова, Темкина, 2002] и нуждается в дальнейшей «академизации» [Зиневич, 2007]. Указанные позиции имеют под собой реальные основания. Действительно, сформировано сообщество исследователей, налажен выпуск литературы, защищаются кандидатские и докторские диссертации. Тем не менее, еще существует скептическое отношение к гендерной проблематике со стороны широкого научного сообщества, освоена лишь небольшая часть гендерных теорий, развивающихся в американских и европейских социальных и гуманитарных науках, а теоретический и методологический инструментарий собственно российских гендерных исследований недостаточно разработан.

Российский вариант гендерных исследований в своем развитии обнаруживает двойственность и противоречивость. Для объяснения этого феномена необходимо ответить на вопросы о механизмах институционализации российских гендерных исследований, о факторах, способствующих и (или) препятствующих этому процессу.

Проблема институционализации гендерных исследований на российской почве была поставлена и исследовалась в основном в социологическом ключе [Здравомыслова, Темкина, 2002]. К факторам, способствующим развитию российских гендерных исследований относят глобализацию, необходимость интеграции в европейское пространство, формирование новых образовательных структур, финансовую поддержку со стороны международных фондов. К факторам препятствующим – феминистскую ориентацию гендерных исследований, слабую ресурсную базу, невозможность корректного освоения теоретического и методологического аппарата гендерных исследований, отражающего реалии западного общества. Последний фактор является наиболее существенным, поскольку касается онтологического статуса гендерного знания и производства этого знания в специфических условиях российской реальности. Недостаточное развитие социальной онтологии пола как основания научных исследований социальных и культурных характеристик отношений полов в российском обществе является серьезным препятствием развития

проблематики социального пола [Зиневич, 2002] и процесса институционализации этой области знания.

Гендерные исследования понимаются в данной статье как производство специфически организованного знания – дискурсов о социокультурных различиях полов. Двойственность и противоречивость в развитии гендерных исследований исследуются с позиции «борьбы» различных дискурсов [Ушакин, 1999] и конкуренции различных дискурсивных практик, в которых, с одной стороны, производится легитимный дискурс о различии полов, с другой – воспроизводится привнесенный «извне», из западной науки, гендерный дискурс.

Дискурсы о поле, составляющие научную «дискурсивную формацию» западных гендерных исследований и циркулирующие в пространстве российских гуманитарных и социальных наук, условно можно разделить на три разновидности: традиционные, феминистские и гендерные. Их укорененность и частота использования в научных исследованиях в значительной степени зависят от того, насколько значения этих дискурсов воспроизводят ценности и нормы поведения, которыми руководствуются представители разных полов. Степень соответствия внутридисциплинарных и социетальных ценностей [Мирский, Юдин, 1980] является важнейшим фактором институционализации. Другим, не менее важным фактором, благоприятствующим успешной институционализации дисциплины, выступает политическая заинтересованность в ее развитии, выраженная поддержкой «снизу», общественно-политическими движениями, и «сверху», структурами государственной власти.

Рассмотрим область значений дискурсов, привнесенных в российскую науку из западных научных исследований, степень их соответствия собственно функционирующим в российском обществе дискурсам пола и возможности, которые предоставляет российская реальность для их укоренения в научных исследованиях.

Западный традиционный теоретический дискурс о поле имеет богатую историю в европейской философии [Воронина, 2007; Брандт, 2002]. Он опирается на доминирующие на протяжении тысячелетий идеи о женском предназначении, женском долге, взаимодополнительности женского и муж-

ского начал, первичности роли жены и матери, женственности как особом складе характера и др. Теоретический дискурс предписывает особое предназначение не только женщине, но и мужчине. Отношения полов мыслятся как гармоничные и взаимодополнительные, при которых женское начало дополняет мужское. Тем не менее, европейский философский дискурс в паре разум – сердце отдает приоритет рациональному мужскому началу, которому должно быть подчинено эмоциональное женское [Зиневич, 2000]. Мужская доминанта присутствует, и это является основным признаком традиционного дискурса.

К середине XX в. онтологические основания научных исследований отношений полов в США и Европе конструировались традиционным дискурсом, трактующим естественность социальных ролей и статусов, определяемых природой женщины и мужчины. Традиционный дискурс лежал в основе социологических теорий разделения половых ролей, согласно которым женщина в обществе выполняет экспрессивную роль, она домохозяйка, жена и мать, мужчина – инструментальную – роль добытчика, а также теорий психоанализа, трактующих женщину как неполноценного мужчину [Бовуар, 1997]. Феминистский дискурс подверг сомнению фундаментальную основу традиционного дискурса – биологический детерминизм как непосредственную предопределенность социального и культурного природным, и биологический эссенциализм как фиксацию неизменной человеческой сущности.

Феминистский дискурс развивается как дискурс критики значений традиционного дискурса. Систематическая критика традиционных отношений полов в Европе восходит к XVIII в. [Жеребкина, 1996]. Феминистки и феминисты XVIII–XIX столетий сформулировали ряд идей о равноправии и равенстве полов, послужившие источником феминистской теоретической мысли. Феминистский теоретический дискурс второй половины XX в., выросший из потребностей второй волны феминистских движений, – это, прежде всего, дискурс социальной критики существующего в обществе неравенства по признаку пола и дискриминации женщин. Феминистские социальные теории в «модернистском» варианте разрабатывают концепты универсальности

женского опыта и существования единой женской сущности, противопоставленной мужской. Некоторые направления современного теоретического феминизма (постфеминизма) сближаются с постмодернистскими (постструктуралистскими) теориями. С постмодернизмом феминизм роднит критика основных концептуальных принципов модерна: объективности, научности, универсального субъекта. В феминистских теориях деконструируется эссенциальная идентичность субъекта, что считается необходимым условием для адекватного понимания многообразия социальных отношений [Муфф, 2001], а женская субъективность интерпретируется как множественная и перформативная [Брайдотти, 2001].

Широкое распространение и легитимацию теоретический феминистский дискурс получил благодаря тому, что стремление к равноправию и обретение женщинами всей полноты гражданских прав, ставшее основой феминистских теорий, нашли отклик в массовом общественном сознании [Попкова, 1999]. Наряду с этим, значительное продвижение социальных и гуманитарных наук в изучении социальных и культурных различий полов привело к формированию гендерных исследований.

Гендерный дискурс в отличие от феминистского несет в себе значения, непосредственно не связанные с практикой общественно-политических движений [Ярская-Смирнова, 2001] и развивается, прежде всего, как теоретический и научный. В гендерных теориях исследуются не столько проблемы дискриминации женщин (хотя и эти вопросы по-прежнему в поле зрения гендеристов), сколько вопросы о властном характере гендерных отношений. Известное определение Дж. Скотт, согласно которому гендер является «первичным средством означивания отношений власти» [Скотт, 2001. С. 422], сегодня является основным методологическим инструментом для исследований отношений полов как отношений власти в различных ракурсах и аспектах.

Современные исследования гендера на Западе, осуществляющиеся на базе университетов США и Европы, внесли изменение в содержание многих научных дисциплин. Гендерная терминология стала вполне «естественной» для социологических, психологических, политических и других исследований. Гендерный дискурс не является

только теоретическим, он стал частью международного политического дискурса западных демократий, как на государственном, так и межгосударственном уровнях.

В современном западном обществе все названные дискурсы – традиционный, феминистский и гендерный – сосуществуют и конкурируют друг с другом за право доминировать в пространстве научных исследований. Феминистский и отчасти гендерные научные дискурсы поддерживаются в западном обществе укорененностью феминистских идей в общественном сознании, политической и правовой поддержкой гендерного равенства, деятельностью по его достижению, осуществляемой на уровне государств и межгосударственных структур (Европейский Союз). Близость и взаимопресечение феминистских и гендерных дискурсов в научных исследованиях, несмотря на имеющиеся разногласия и относительную удаленность гендерных исследований от феминистских практик, тоже способствуют их укреплению и распространению. Гендерный научный дискурс широко распространяется за пределы западных научных исследований, но лишенный поддержки развитых правовых и демократических институтов, вырванный из социального, национального и культурного контекста, утрачивает свои прежние значения. Именно в таком положении оказались западные гендерные исследования, перенесенные на российскую почву.

В современном российском обществе присутствуют все виды дискурсов о поле. Каждый из дискурсов (традиционный, феминистский и гендерный) занимает свою нишу, но они в разной степени представлены в дискурсивном пространстве социума. Доминирует традиционный дискурс, имеющий давнюю традицию и много адептов. Он широко распространен в самых различных слоях общества. Феминистский дискурс маргинален, вызывает резко негативную реакцию, как у мужчин, так и у женщин, дискриминацию которых он обнаруживает [Брандт, 1996]. Дискурс феминизма производится и распространяется среди незначительной прослойки высокообразованных и либерально настроенных женщин.

Отечественный феминистский дискурс артикулировался женским движением середины XIX – начала XX в. Помимо требований законодательно закрепить право женщин на образование и труд, женское

движение боролось за политические права, в частности, за равное избирательное право. С приходом советской власти он утратил свое значение. Советское государство восприняло существенную часть женских (феминистских) идей и стало воплощать их на уровне государственной политики. Феминистские требования о праве женщины на образование и труд стали легитимным, но феминистский дискурс легитимным не стал и был устранен как дискурс социальной критики. Так произошло не только потому, что в СССР любая социальная критика находилась под запретом. Феминистский дискурс был поглощен традиционным дискурсом, модернизировав его. Теперь традиционный дискурс отношений полов помимо основного традиционного предназначения женщины как жены и матери добавлял ей новое предназначение – труженицы. Изменившаяся ситуация выражалась формулой «работающая мать» [Здравомыслова, Темкина, 1999].

Положение гендерного дискурса неоднозначно. С одной стороны, он занимает значительное место, поскольку идеи равенства и социальной активности женщины за годы советской власти прижились в сознании большинства. С другой стороны, эти равенство и активность легитимно могут реализовываться преимущественно в рамках схемы «работающая мать». Гендерный дискурс вполне легитимен, но практически не поддерживается массовым сознанием, не выдерживает конкуренции с дискурсом традиционным. В научных исследованиях гендерный дискурс часто воспринимается как феминистский, поддерживающий господство женщин и дискриминацию мужчин, и получает негативную оценку.

Сегодня в отечественных гуманитарных и социальных науках под видом гендерного дискурса в основном реализуются традиционный и, в гораздо меньшей степени, феминистский дискурсы. Под маркой «гендерный» производится либо дискурс о дискриминации в русле феминистской социальной критики, либо дискурс о взаимодополнительности мужского и женского начал, который умалчивает о распределении властных полномочий между представителями различных полов. В российских гендерных исследованиях частично произошла потеря значений гендерного дискурса как дискурса о власти, значения которого фиксируют проявления

власти в разных сферах общественного бытия: на уровне культурных символов, на уровне теорий, на уровне социальных институтов, на уровне формирования субъективной идентичности.

Гендерному дискурсу как дискурсу о власти трудно реализовываться на российской почве, поскольку субъекты, производящие научный дискурс, сформированы модернизированным традиционным дискурсом, который *одновременно* включает в себя и феминистскую риторику равенства полов, и традиционную риторику женского предназначения. Реализация дискурса о женском предназначении на практике в качестве компенсации за двойную нагрузку представляла женщине дополнительные льготы и охраняемые права. Такой государственный патернализм и «забота» ограничивали возможность профессиональной реализации женщины. На практике равенство достигнуто не было, но реальное положение дел не находило отражения в дискурсивном пространстве значений о равенстве полов в обществе. Провозглашенное равенство во многих отношениях оставалось тем, что Бодрийяр называл симулякром – изображением без оригинала, неким дискурсивным подобием реальности [Бодрийяр, 2000]. Модернизированный традиционный дискурс о равенстве полов получил широкое распространение и в настоящее время занимает достаточно прочные позиции: в постсоветском пространстве он продолжает производить субъекта, для которого не существует вопросов о равенстве-неравенстве полов, доминировании мужчин или женщин в различных сферах жизни общества

Подведем итоги. Институционализация гендерных исследований в России зависит от степени соответствия значениям господствующего в обществе дискурса отношений полов и его поддержки со стороны государственной власти. За годы советской власти и в постсоветский период сформировались и закрепились на государственном уровне два вида дискурсов о социальных характеристиках полов – дискурс равенства полов и дискурс женского предназначения. Если в США и Европе эти противоречащие друг другу дискурсы находятся в состоянии борьбы, то в России произошло их слияние – дискурс равенства был поглощен традиционным дискурсом о женском предназначении, видоизменив его. Дискурс равенства

скрывает различные формы неравенства полов. Способ его социального бытия можно назвать симулякром, репрезентацией реальности, которой не существует.

Список литературы

Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. Т 1. 832 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Брандт Г. А. Феминизм и Российское сознание // Феминистская теория и практика: Восток-Запад: Материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб, 1996.

Брандт Г. А. Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2002. № 4. С. 7–33.

Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ, 2001 Ч. 2; СПб.: Алетейя, 2001. С. 136–163.

Воронина О. А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // Вопр. философии. 2007. № 2. С. 56–65.

Жеребкина И. А. Философская методология // Теория и история феминизма: Учеб. пособие. Харьков: Ф-Пресс, 1996. 387 с.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Институционализация гендерных исследований в России // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / Под ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2002. С. 33–51.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 177–185.

Зиневич О. В. Академизация российских гендерных исследований: от гендерного подхода к гендерному анализу // Гуманитарное образование и социальный контекст: гендерные проблемы: Материалы междуна-

родной научной конференции. Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007. СПб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. С. 103–108.

Зиневич О. В. Иоган Фихте о назначении ученого и женском предназначении // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. Вып. 2.

Зиневич О. В. Философские основания исследования пола как социального феномена. Новосибирск, 2002. 196 с.

Мирский Э. М., Юдин Б. Г. Дисциплинарное строение науки // Научная деятельность: структура и институты: Логика и методология науки / Под ред. Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. 432 с.

Муфф Ш. Феминизм, гражданство и политика // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 214–234.

Попкова Л. Н. Социально-правовой статус женщин США: история XX века // Женщина, гендер, культура. М., 1999. С. 208–221.

Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 422–424.

Ушакин С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопр. философии. 1999. № 5. С. 71–85.

Хоткина З. А. Гендерным исследованиям в России – десять лет // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 21–26.

Ярская-Смирнова Е. Р. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 17–48.

Материал поступил в редколлегию 22.06.2009

A. A. Demidenko

INSTITUTIONALIZATION OF GENDER RESEARCHES FROM POSITIONS OF THE DISCOURSE APPROACH

In article attempt to explain a phenomenon of a duality and discrepancy in development of the Russian variant of gender researches is undertaken. Process of institutionalization of a scientific direction is analyzed from positions of the discourse approach. It is allocated three versions of discourses about a sex – traditional, feministic and gender – and possibilities which are given by the Russian reality for their rooting in scientific researches are shown.

Keywords: gender studies, discourse, sex, institutionalization, power.